

М. В. Мелихов

Сыктывкарский государственный университет
имени Питирипа Сорокина, г. Сыктывкар, Российская Федерация

К вопросу о вариантах модели образа монарха в рукописных повестях Петровской эпохи

Проведенный в статье анализ материалов устных преданий об Иване Грозном и Петре I, рукописных повестей XVIII века («Повесть о Декорони», «История о гишпанскомъ королевиче Франце Мелзелѣусѣ» и др.), повествующих о вымышленных героях, показал, что в них отразились трансформации, происходившие в народных представлениях о носителе верховной власти в государстве и его обязанностях перед государством и народом. В послепетровской России воображение авторов рукописных повестей (мещан, мелких чиновников, солдат) трансформировало множество мировоззренческих стереотипов фольклора и древнерусской литературы, литературы XVII века, соединило их с фактами, взятыми из реальности, и смоделировало из них свои представления об идеале главы государства. Повести, каждая на своем материале, предлагают читателю несколько вариантов разных типов монархов, которые выступают в них в качестве главных и второстепенных героев, расставляют приоритеты в их действиях и поступках, причем оценивать их должен читатель. Эти представления носили, безусловно, идеализирующий характер, но отличный и от фольклора, и от древнерусской литературы, и от переводной беллетристики XVII века, включая самые популярные тексты – русские переработки рыцарских романов. В этих повестях почти нет сказочной фантастики, намного реже при характеристике героев используется прием гиперболизации в характеристике физической силы героев; из событийного ряда в большинстве произведений исключены батальные сцены, основное внимание уделяется частной жизни героя. На первый план для автора повести может выходить тема формирования личности главного героя-монарха, полученное им образование, светское воспитание, а не его богатырская удаля. Эти качества становятся приоритетными почти во всех рукописных повестях, особенно явно они проявились в «Истории о гишпанскомъ королевиче Францѣ Мелзелѣусѣ».

Ключевые слова: рукописные повести XVIII века, исторические песни, трансформация образа монарха в народном сознании, представления об

обязанностях монарха, монарх как литературный герой, типы правителей в рукописных повестях XVIII века.

M. V. Melikhov

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russian Federation

The Issue of Options for the Model of the Image of the Monarch in Handwritten Stories of the Petrine Era

The article analyzes the materials of oral traditions about Ivan the Terrible and Peter I, handwritten stories of the 18th century. («The story of Decoronia», «the story of the king's son Franz Melzelius», etc.) which tell us about fictional characters as reflecting the transformations that took place in popular ideas about the bearer of Supreme power in the state and his duties to the state and the people. In post-Petrine Russia, the imagination of authors of handwritten stories (petty bourgeois, petty officials, soldiers) transformed many worldview stereotypes of folklore and old Russian literature, literature of the 17th century, combined them with facts taken from reality, and modeled their ideas about the ideal of the head of state. The stories, each one based on its own material, offer the reader several options for different types of monarchs who act as main and secondary characters in them, prioritize their actions and works, and it is the reader who evaluates them. There is little fantastic fiction in the novels, portrayal of the characters is rarely represented through the technique of exaggeration in characterization of physical force of the heroes; the events in most of the works excluded battle scenes, and focused on private life of the hero. The author of the story pays special attention to the theme of personality formation of the main character, the monarch, the education he received, the secular upbringing, not their heroic prowess. These qualities become a priority in almost all handwritten stories, especially clearly they were shown in "The story of the gishpansky Prince Frantz Melzelius".

Keywords: *handwritten stories of the 18th century, historical songs, transformation of the image of a monarch in the popular mind, ideas about the duties of a monarch, a monarch as a literary hero, types of rulers in handwritten stories of the 18th century.*

Введение. Исследований, посвященных изучению фольклорного кода царя (короля) в русском фольклоре, прежде всего в сказках и духовных стихах, почти нет. Причина, по-видимому, в том, что он предельно прост, не детализирован и как герой он появляется в одном-двух эпизодах. Тем не менее царь в народном сознании и отчасти в фольклоре, скорее, сакрализованная властная функция, отождествленная с божеством и отделенная от личности, что неодно-

кратно отмечалось и иностранными путешественниками начиная со Средних веков и вплоть до XIX века [1, с. 47–154; 2, с. 121–126].

В XVIII веке появляется несколько рукописных повестей, в системе образов которых выводится новый, отсутствовавший ранее тип главы государства, действия которого направлены не столько на усиление военной мощи государства (что было главным критерием в оценке героя и в древнерусской литературе, и в русских переделках рыцарских романов XVII века), сколько на благо экономики и на соблюдение законности в своей стране. В «официальной» литературе одновременно или несколько позже авторы также формулируют свои концепции монархов, как позитивные, так и негативные. Например, М. В. Ломоносов в одах, посвященных Елизавете Петровне, в числе прямых обязанностей монарха называет покровительство наукам и торговле. А. П. Сумароков в трагедии «Дмитрий Самозванец» дает «урок царям» и гражданам, доказывая, что монарха-тирана, считающего свои «страсти» законом, подданные обязаны свергнуть. Повести Петровской эпохи в таком ракурсе – как размышления на тему власти демократического автора – еще не рассматривались.

Одна из задач статьи – обратить внимание на менее исследованные рукописные повести XVIII века как на произведения, авторы которых наивно пытались сформулировать собственную – народную – концепцию идеальной главы государства. Эти повести выстраивали свою концепцию и правителя государства на вымышленном материале с минимальным количеством реальной фактической информации. Как будет показано ниже, в сравнении с литературой предшествовавшего периода (древнерусской и литературой XVII века) на смену правителю-воину в этих произведениях приходит правитель-интеллектуал, хозяйственник, торговец, законодатель.

Методы исследования, теоретическая база. Исследование опирается на историко-литературный, сравнительно-исторический, семиотический анализ текстов рукописных повестей, созданных в XVIII веке. Тексты почти всех повестей изданы, исследовались особенности истории текста, языка, источников (фольклорные и западноевропейские произведения), фиксировались отражение реальных событий XVIII века, своеобразие образа главного героя, пересечения с другими повестями. К анализу, кроме рукописных повестей, привлечены также и устные предания, памятники древнерусской публицистики.

Результаты исследования. Образ царя в воображении народа был достаточно абстрактным и отвлеченным от реального правителя России. Так, в «Голубиной книге» «Белый Царь» характеризуется следующим образом:

У нас Белый Царь – над царями Царь.

Почему ж Белый Царь над царями Царь?

И он держит веру крещеную,

Веру крещеную, богомольную,

Стоит за веру христианскую [3, с. 37] ...

В сказке образ царя (короля) предельно отвлеченный, называется «по должности» – это просто царь, ничего не сообщается о его биографии, правит он в «некотором царстве, некотором государстве», может быть китайским, птичьим, звериным, морским и т. п. [4, с. 480]. Он почти никогда не бывает главным героем, но в награду за свои подвиги в финале произведения герой может стать царем. Например, Иван-богатырь, крестьянский сын, трижды разбивает огромное войско Полкана-богатыря, женится на младшей дочери царя Китая и становится царем [5, с. 267–275]. Основные функции царя в сказках несложные и лишены символической значимости, характерной, например, для князя в воинских повестях [6, с. 81–146]: часто, например, он дает главному герою невыполнимые поручения или загадывает неразрешимые загадки с целью его погубить.

Размышления о том, какими качествами должен обладать монарх, чтобы приносить пользу государству и подданным, своеобразные практические рекомендации правителю встречались только в русских публицистических сочинениях еще в XVI веке. Примером может послужить один из политических трактатов эпохи Ивана Грозного – «Большая челобитная» Ивана Пересветова. Герой «Большой челобитной», «волоцкий» воевода Петр (он имеет реального прототипа – молдавского господаря Петра IV Рареша), размышляет над проблемами усовершенствования России, над политическими и экономическими реформами, которые могли бы усилить могущество государства. Практические рекомендации подкрепляются морализаторскими сентенциями, на которых и строятся «речи» воеводы: «Правда – Богу сердечная радость, а царю великая мудрость», «Богъ не вѣру любит, правду» и др. [7, с. 618].

Попытки показать русских царей с другой, бытовой, стороны, изменить критерии и в подборе ситуаций, и в оценке реально-

го правителя предпринимались в исторических песнях XVI–XVII веков, в устных преданиях XVIII века. Здесь царь предстает в обычных (для монарха) ситуациях: суд, обсуждение внутренних проблем государства со своими приближенными, военный поход, пир, смертный одр и т. п. Монархи в этих текстах уже не имеют прежнего ореола сакральности, они изображены такими, какими их хотел видеть простой народ: вполне живыми людьми, не предъявляющими чрезмерно жестких требований к подданным, снисходительно прощающими их моральное и нравственное несовершенство. Видимо, не случайно вторым героем этих устных преданий становились пьяницы и даже воры: своими конкретными делами на благо государства и своего повелителя они доказывают, что тоже являются защитниками царя и Отечества.

Эти предания акцентируют внимание читателя на одном качестве царя: на умении прислушиваться к простым людям. «Сценарий» о встречах царя с героем из народа в исторических песнях и преданиях обычно строился на одном событии, чаще всего вымышленном и не имеющем подтверждения в письменных источниках из жизни, в основном таких русских правителей, как Иван Грозный [8, с. 13–18] или Петр I, и в которых монархи представляли как вполне обычные люди, умеющие оценить и острое слово, и хитрость, и находчивость. В этих анекдотах их могли обмануть, они могли сами ошибаться или принимать неправильные решения и отменять их, прислушавшись к «маленьким» людям (стрельцам, священникам, солдатам и даже ворами) и т. п. Основной причиной появления преданий о добром, справедливом и близком народу монархе и злых боярах была утопическая в своей основе вера в «доброе» царя и «злых» бояр, стоящих между ним и народом. Так, вор, с которым случайно не раз встречался Иван Грозный во время тайных ночных обходов Москвы, спасает царя от заговора бояр-отравителей [9, с. 85–87]. Не менее понятным и близким народу в своих действиях становится в устных преданиях и песнях и Петр I: он принимает вызов на борьбу пятнадцатилетнего драгуна, терпит от него поражение, но не обижается и в качестве награды разрешает победителю безденежно пьянствовать в кабаках [10, с. 135]. Медь для срочного изготовления новых пушек взамен потерянных под Нарвой царь Петр находит по совету пушечного мастера, который предложил перелить старые церковные колокола [11, с. 148–149], во вре-

мя осады Азова в 1695 или 1696 года не военачальники, князья и бояре, а именно солдаты и драгуны советуют Петру I брать крепость общим штурмом [11, с. 33], и т.п.

Более сложным и неоднозначным становится отношение к монарху в повестях Петровской эпохи – произведениях, созданных в большинстве случаев анонимными авторами в первой трети – второй половине XVIII века. К настоящему времени значительное количество текстов издано, но их список еще не закрыт и продолжает пополняться. Внимание исследователей, особенно в последние десятилетия, они привлекают редко. Причина – промежуточное положение произведений: это уже не древнерусская литература, но еще не литература Нового времени. Особенность литературного процесса этого времени заключалась в том, что собственно беллетристики в виде напечатанных в типографии книг не было и повести, как и произведения древнерусской литературы, распространялись в рукописном виде. Их печатные издания и исследования появляются только во второй половине XIX века.

Три повести (о дворянине Александре, о матросе Василии Кориотском и о безымянном шляхетском сыне) исследованы и изданы Г. Н. Моисеевой в отдельной монографии. Исследования и тексты других произведений чаще всего публиковались в сборниках статей. Обычно отмечается, что с реальной действительностью первой трети века эти повести были связаны слабо, в основном – мотивом путешествия за границу и его целью – «для наук». В повестях (за редким исключением) практически нет фактов, которые помогли бы привязать их к российским событиям, к конкретным историческим деятелям. Авторы, как считала Г. Н. Моисеева, «еще далеки от художественного воссоздания жизни во всей ее широте и глубине: Петровская эпоха отразилась в них не всеми своими сторонами. Неизвестные авторы этих «гисторий» еще очень ограничены в возможностях: они ищут способы и приемы изображения действительности, с одной стороны, используя опыт русских повествовательных сочинений XVII века и, с другой – порывая с некоторыми традициями древнерусской литературы, обращаясь к переводным повестям и заимствуя изобразительные средства западноевропейских куртуазных романов [12, с. 4]. Герой наделен стандартным набором характеристик идеализирующего плана: он красив, умен, образован, амбициозен. Если он наследник престола, то отправляет-

ся в странствие инкогнито, как в своеобразный квест, цель которого – доказать будущим подданным и самому себе, что достоин быть главой государства. Но в то же время авторы не отказывались и от формул (лексических и ситуативных) фольклора, например былин, включая их в свои произведения. Так, причина конфликта между Испанией и Англией в «Истории о гишпанскомъ королевиче Францъ и Мелзелѣусъ и о прекрасной королевнѣ Раксанѣ» – невыплата «дани» испанским королем английскому королю (см., например, былинку «Василий Казимирович и Добрыня», где князь Владимир платит дань Батею сыну Ботеевичу [13, с. 152]). Но и эти ситуации переосмыслились и использовались для раскрытия новых качеств главного героя, нереальных для былин: испанский принц Франц инкогнито отправляется в Великобританию и решает ситуацию миром, в чем и состоит его главный талант как будущего короля: он не желает, чтобы «подлые люди» погибли на полях сражений или терпели лишения от налогов, собираемых для выплаты дани. Эти качества отличали королевича Франца от героев таких популярных в XVII–XVIII веках произведений, как «Повесть о Бове Королевиче», «Повесть о Петре Златых Ключей» и др.

Тема мудрого и доброго главы государства, знающего свой народ и умеющего прощать его слабости, радеющего не о собственном благе, а об интересах государства и подданных, была востребована в не только фольклоре, но и в сюжетах рукописных повестей, где в XVIII веке становится одной из доминирующих. Оформляется она из достаточно несложного материала, в котором преобладают бытовые ситуации, похожие на вполне правдоподобные житейские истории.

Рассмотрим систему образов повестей и проследим за изменениями, которые происходят в отношении к главному герою – монарху – в «народной» прозе. Отметим, что в этих произведениях, созданных или переведенных в России, действие происходит в Англии, Франции, Испании, на Мальте или вообще в королевстве, не имеющем названия, но никогда – в России. В них причудливо переплелись и фольклорные, и литературные представления о главе государства (это может быть царь, цесарь, король), сценарий самого монарха заметно усложняется, авторские интерпретации на тему власти и властителей становятся более свободными и принимают характер своеобразного наставления реальным монархам в художе-

ственных образах. Эта же тенденция наблюдается и в официальной литературе, например в торжественных одах М. В. Ломоносова, посвященных императрицам Анне Иоанновне или Елизавете Петровне, в «Сатире второй» А. Д. Кантемира и др. В них монарх становится своеобразным резонером автора, миссия которого – донести до читателя наиболее актуальные проблемы времени и, видимо, сформулировать в развлекательной или поучительной форме пожелания народа, не всегда умело спрятанные автором за событийной канвой произведений. Этот герой может быть и незнатным молодым человеком; типична его судьба – он достигает высокого положения в обществе не своим происхождением, а личными заслугами, «разумом», «наукой»; типична и форма этих произведений, где своеобразно сочетались художественные традиции русской литературы и публицистики и литературы переводной.

Датировка произведений этой эпохи, как и их атрибуция, весьма приблизительны. Известен автор только «Истории королевича Архилабона»: это «юнкор» Петр Орлов, а также дата и место ее написания (март 1750 г., Москва). Другие повести датируются по косвенным признакам, а об их авторах вообще ничего не известно. Как одну из главных особенностей произведений исследователи указывали на их близость к любовно-авантюрному роману: наряду с занимательностью сюжета, включающего обязательный отъезд героя из дома (чаще всего это и не Россия) за границу (не только «за наукой», но и для торговли или для выполнения дипломатических поручений); их событийный ряд составлен из эпизодов о многочисленных приключениях героев: романы с первыми красавицами государств, турниры и поединки («Повесть о российском кавалере Александре»), кораблекрушения, пленения, схватки с разбойниками («Повесть о Василии Кориотском») и т. п. Героем таких повестей становится самоутверждающийся молодой человек, искатель приключений, дворянин или наследник престола, и он сам, ни на кого не рассчитывая, строит собственную жизнь, авторитетом и славой своей семьи и рода, что, в общем, соответствовало духу времени. Целью его (в этом плане отметим сходство с переделками рыцарских романов XVII века) является завоевание собственного, а не родового, наследственного авторитета, добыча личной славы и чести не в войне, не через единоборство со злодеем-предшественником, а исключительно своим умом, предприимчивостью и умением завоевать сердца и умы подданных.

Затронута тема формирования личности идеального монарха, который с раннего детства доказывает, что достоин быть королем не только как воин (например, Бова Королевич). Желательно также умением знать и толковать законы, решать сложные дипломатические задачи, избегать конфликтных ситуаций, учиться на чужих ошибках, пользоваться благоприятным стечением обстоятельств решения личных и государственных проблем, уметь дружить, быть верным в любви, покорять подданных и даже случайных знакомых своей щедростью и благородством, и проч.

Важнейшим качеством монарха становится его умение учиться, постоянно самосовершенствоваться, невзирая на статус наследника престола (например, как королевич Франц в «Повести о Мемозилиусе»). Обязательным свойством героя становится его превосходство над всеми в знании светского этикета, общая культура поведения в обществе, включающая танцы, игру на музыкальных инструментах. Эпизоды, иллюстрирующие не воинские качества героя, а его светскую жизнь, становятся важными деталями в сюжете произведений и даже могут играть судьбоносную роль в жизни Франца в «Повести о Мемозилиусе»: именно благодаря талантливой игре на арфе он оказывается при дворе английского короля, добивается его уважения, становится его советником и, главное, влюбляет в себя королеву Роксану. Не виртуозное владение мечом, а умение играть на арфе выручило и Василия Кориотского в «Повести о Василии»: разлученный с возлюбленной, королевной Ираклией, которая под страхом смерти идет под венец с коварным злодеем адмиралом, приказавшим убить Василия, герой играет на арфе, игру слышит Ираклия, узнает Василия, злодей наказан.

Наследниками престола были и непосредственные предшественники героев повестей – герои русских версий рыцарских романов – Еруслан Лазаревич, Бова Королевич, «волным князем» был Петр Златых Ключей. Безусловно, читатель отдавал предпочтение и остросюжетным произведениям с обычным для них набором сюжетных штампов: главный герой – наследный принц (королевич, князь), он богатырь, он наделен необычайной силой и отвагой, он желает прославиться своими подвигами и потому путешествует из страны в страну, совершает множество подвигов, в финале становится властелином или в своем государстве, или в соседнем. В XVIII веке появляются своеобразные «ремейки» наиболее по-

пулярных произведений XVII века, отдельные сюжетные мотивы и имена героев могли совпадать. Так, по мотивам «Повести о Еруслане Лазаревиче» была создана «Повесть о Еруслане Еруслановиче», а с использованием отдельных мотивов (дружба героя со львом) популярной в XVII века «Повести о Брунцвике» была написана новая версия произведения – «Гистория о Брунцвике», причем написана с использованием уже не литературных источников, а фактов и событий именно первой трети XVIII века (рассказывается, например, о строительстве башни-маяка, которую на самом деле собирався построить, но не построил Петр I, и т. п.) [6, с. 187–205]. В этой повести создается образ идеального монарха (в представлении, по-видимому, мещанина или купца) – покровителя торговли и науки. Только благодаря мудрой и продуманной внутренней и внешней политике Брунцвик приобретает международный авторитет, соседние государства добровольно платят ему дань, в порты государства приплывает «многое число купецких кораблей» и т. д. Введение в текст не развлекательного и сюжетно выгодного материала авантюрного плана, а статистической информации (например, сообщается о количестве купеческих кораблей, прибывающих в порт), не является характерной чертой ни переводных рыцарских романов, ни фольклора и напрямую указывает на эпоху Петра I, при котором интенсифицировалась торговля с европейскими государствами [6, с. 203].

Герои повестей Петровской эпохи всегда молоды и часто являются наследниками престола в европейских государствах. Так, Декороний – самый младший, но и самый любимый сын короля, Брунцвик уже «чешский» король, Александр – испанский королевич, и т. д. Но главными героями повестей могут быть и нищие дворяне (так, отец Василия Кориотского «не имеяше у себя пищи») [12, с. 203], и купцы, но почти все они становятся королями или знатными вельможами в конце повествования.

Судьба Декорония в «Истории о Декоронии» напоминает и судьбу библейского Иосифа, проданного братьями в рабство (два старших брата вынуждают его отказаться от своего имени и делают его рабом), и одновременно несчастливого Молодца из «Повести о Горе-Злочастии». По сюжету повести Декороний – самый жалкий герой из всех названных выше: он даже не пытается изменить свою судьбу, рассказывается только о двух его реакциях на все испыта-

ния: он или рыдает, или падает в обморок. Тем не менее есть у этого героя и качества властителя: острый ум, знание наук, умение сострадать, чистота помыслов [14, с. 277].

Очевидно, что концептуальные произведения, содержащие отвлеченные размышления автора об идеале монарха и политическом устройстве, не пользовались слишком большой популярностью среди массовых читателей и потому упражнения малограмотных авторов на серьезные темы по-прежнему «упаковывались» в сюжетно привлекательный материал. Безусловно, читатель отдавал предпочтение остросюжетным произведениям, построенным по модели русских переделок европейских рыцарских романов с обычным для них набором литературных штампов: главный герой – наследный принц (королевич), он богатырь, он наделен необычайной силой и отвагой, он желает прославиться своими подвигами и потому отправляется в личный квест, путешествует из страны в страну, совершает множество подвигов, в финале становится королем или в своем государстве, или в соседнем. По мотивам произведений об особенно популярных героях создавались своеобразные сиквелы, продолжения, или вариации на основные сюжетные узлы исходного произведения. И сюжет, и даже имена в этом случае могли быть знакомы читателю.

Ситуации с участием героев-монархов, которые выстраиваются в этих произведениях, не отличаются особым разнообразием. Рассмотрим некоторые из них. Король в повестях чаще всего является эпизодическим персонажем. Сам главный герой может быть наследником престола, иногда – королем. Как второстепенный персонаж король принимает самое активное участие в судьбе главного героя: он с первого появления героя при дворе сразу отмечает его уникальность, награждает всевозможными придворными и военными чинами. Достаточно часто на добро главный герой отвечает черной неблагодарностью. Примером может послужить «История о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре»: португальский король, излишне доверчивый и потому глупый, имеет молодую и красивую жену. Александр коварно обманывает его: не испытывая никаких угрызений совести он уводит от доверявшего ему старшего «друга» красавицу-жену. События этой повести, по мнению Л. А. Дмитриева и Ю. М. Лотмана, напоминают европейскую плутовскую новеллу с сюжетной схемой «муж, сватающий свою жену»

[15, с. 490]. Королеву восьмидесятилетний старец держит в изолированной «палате», в которую Александр приказывает прокопать подземный ход и ходит по нему на свидания. Опорочен в глазах общественного мнения не Александр, а добрый король, над которым смеются соседи. Ловкость и хитрость Александра и его возлюбленной королевы ничуть не осуждаются автором, его не смущает, а скорее, забавляет явное нарушение героями десятой заповеди (Исх. 20: 17), он им откровенно симпатизирует [16, с. 496].

Доброта как качество, обычно отличающее положительного героя от отрицательного, в этом произведении приобретает отрицательную коннотацию. Король искренне сострадает Александру во время притворной болезни, присылает ему «доктуров» и надолго уезжает из государства, невольно создавая благоприятные условия для коварных планов юного «друга». Последствия простодушия и доверчивости престарелого короля оказываются для него самыми печальными: благодаря плутовским ухищрениям Александра король, благословивший брак своего юного «друга» и собственной жены, становится посмешищем в глазах соседней-королей и в скором времени умирает.

Заключение. Появление произведений, в которых происходит переоценка системы стереотипов предшествующих поколений в отношении к верховной власти (например, в рассказе о героёмонархе в исследованных нами повестях отсутствуют эпизоды воинского плана, которые были обязательны для воинских повестей и русских переделок рыцарских романов), свидетельствует не только об изменениях во вкусах демократических писателей и читателей, но и о важных трансформациях, происходивших в общественном сознании. Трансформируется взгляд на представителя верховной власти (им может быть и беспринципный плут, и излишне доверчивый старец, что ничуть не лучше).

Рукописные повести XVIII века входили в круг чтения русского массового читателя и даже, за неимением конкуренции со стороны печатной литературы, составляли его основу. Читатель мог становиться соавтором попавшего в его руки исходного текста, дополняя произведение эпизодами на интересующие его темы. В своем большинстве рукописные повести содержат примеры конкретных ситуаций, в которых герои-монархи доказывают мудрость главы государства, а не отвагу лихого рыцаря-воина. Очевидно, именно по

этой причине в некоторых произведениях повествование о будущем монархе начинается с его рождения, с рассказа о его детстве, когда герой своими талантами, усердием и желанием учиться стремится превзойти окружающих и доказать свою избранность, интересуется науками (юриспруденцией, экономикой и т. п.) и покровительствует им. Такой государь радеет прежде всего о соблюдении законов, на которых должно строиться государство и основываться благополучие его подданных, он готов рискнуть своей жизнью, чтобы избежать войны, и т. п. Эти качества героя подтверждаются эпизодами фиксирующего плана о его полезной деятельности на благо государства, которые заменяют авантурные приключенческие сюжетные материалы, выводя тем самым произведения демократических авторов из разряда развлекательной беллетристики в произведения публицистические.

Библиографический список

1. Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости / отв. ред. Б. А. Успенский. М.: Наука, 1987. С. 47–154.
2. Коновалова Н. А. Образ самодержавия в представлениях русского крестьянства по фольклорным источникам // Вестник Омского университета. 2007. № 4. С. 121–126.
3. Голубиная книга // Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX веков / сост., вступ. ст., прим. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. М.: Московский рабочий, 1991. 351 с.
4. Бараг Л. Г., Новиков Н. В. Указатель сюжетных типов сказок настоящего издания // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1985. Т. 3. С. 439–442.
5. Сказка об Иване-богатыре, крестьянском сыне // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1985. Т. 3. С. 267–275.
6. Мелихов М. В. «Мечом и глаголом»: героическая традиция в русской литературе XII–XVII вв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 316 с.
7. Сочинения Ивана Семеновича Пересветова / подгот. текста М. Д. Каган-Тарковской, пер. А. А. Алексеева, комм. Я. С. Лурье // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1984. С. 596–625.

8. Жбанкова М. С. Иван Грозный и стратегии его изображения в русском фольклоре // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 1. С. 13–18.
9. Царь борется с драгуном // Исторические песни XVIII века / изд. подгот. О.Б. Алексеева и Л.И. Емельянов. Л.: Наука, 1971. С. 135.
10. Совет пушечного мастера царю Петру // Народная проза / сост., вступ. ст., подгот и комм. С. Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992. С. 148–149.
11. Солдаты и драгуны штурмуют крепость // Исторические песни XVIII века / изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л.: Наука, 1971. С. 33.
12. Моисеева Г. Н. Введение // Русские повести первой трети XVIII века / исслед. и подг. текстов Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1965. 324 с.
13. Василий Казимирович и Добрыня // Былины / вступ. ст., сост., подгот. текста и прим. Б. Н. Путилова. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 152–157.
14. Николаева М. В. «Гистория о гишпанском королевиче Декоронии» (первая половина XVIII в.) // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 21. С. 275–296.
15. Дмитриев Л. А., Лотман Ю. М. Новонайденная повесть XVIII в. «История о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре» // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. Т. 16. С. 490–505.
16. Малэк Э. О короле, иже жену свою своими руками выдал замуж // Малэк Э. «Неполезное чтение» в России XVII–XVIII веков. Warszawa; Lodz : Wydaw. nauk. PWN, 1992. С. 90–94.

References

1. Zhivov V. M., Uspensky B. A. Tsar and God. Semiotic aspects of the sacralization of the monarch in Russia. *Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti* [Languages of culture and problems of translatability] / main ed. B. A. Uspensky, Moscow, Nauka, 1987, pp. 47–154. (In Russ.)
2. Konovalova N. A. The Image of autocracy in the representations of the Russian peasantry according to folklore sources. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 2007, no. 4, pp. 121–126. (In Russ.)
3. *Golubinaya kniga: Russkie narodnye duhovnye stihy XI–XIX vekov* [Golubinaya kniga: Russian folk spiritual poems of the XI–XIX centuries] / edited by L. F. Soloshchenko, Yu. S. Prokoshina. Moscow, Moskovsky Rabochy, 1991, 351 p.
4. Barag L. G., Novikov N. V. Index of story types of fairy tales of this edition. *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva* [Folk Russian fairy tales of A. N. Afanasiev] / edited by L. G. Barag, N. V. Novikov. Moscow, Nauka, 1985, vol. 3, pp. 439–442. (In Russ.)
5. The Tale of Ivan the hero, the peasant son. *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva* [Folk Russian tales of A. N. Afanasiev] / Edit. L. G. Barag, N. V. Novikov. Moscow, Nauka, 1985, vol. 3, pp. 267–275. (In Russ.)

6. Melikhov M. V. «*Mechom i glagolom*»: *geroicheskaya tradiciya v russkoj literature XII–XVII vv.* [“By the sword and the verb”: the heroic tradition in Russian literature of the XII–XVII centuries]. Moscow; SPB., Centr gumanitarnyh iniciativ, 2018, 316 p. (In Russ.)

7. Works Of Ivan Semyonovich Peresvetov / compiled by M. D. Kagan-Tarkovskay, transl. by A. A. Alexeev, comment. by Ya. S. Lurie. *Pamyatniki literatury Drevnej Rusi. Konec XV – pervaya polovina XVI veka* [Monuments of literature of Ancient Russia. The end of the XV – first half of the XVI century]. Moscow, Fiction, 1984, pp. 596–625. (In Russ.)

8. Zhbankova M. S. Ivan the terrible and strategies of his image in Russian folklore. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [VSU Bulletin. Series: Philology. Journalism], 2018, no. 1, pp. 13–18. (In Russ.)

9. King fights with a Dragoon. *Istoricheskie pesni XVIII veka* [Historical songs of the XVIII century] / edited by O. B. Alekseev and L. I. Yemelyanov. Leningrad, Nauka, 1971, pp. 135. (In Russ.)

10. Advice of the gunsmith to Tsar Peter. *Narodnaya proza* [Folk prose] / compiled, introductory article, prepared and commented on by S. N. Azbelev. Moscow, Russian book, 1992, pp. 148–149 (In Russ.).

11. Soldiers and Dragoons storm the fortress. *Istoricheskie pesni XVIII veka* [Historical songs of the XVIII century] / edited by O. B. Alekseev and L. I. Yemelyanov. Leningrad, Nauka, 1971, p. 33. (In Russ.)

12. Moiseeva G. N. Introduction. *Russkie povesti pervoj treti XVIII veka* [Russian stories of the first third of the XVIII century] / researched and compiled by G. N. Moiseeva. Moscow; Leningrad, 1965, 324 p. (In Russ.)

13. Vasily Kazimirovich and Dobrynya. *Byliny* [Epics] / will join. the article, comp., podgot.text and notes by B. N. Putilova. Leningrad, 1986, pp. 152–157. (In Russ.)

14. Nikolaeva M. B. “History about the gishpansky king’s son Dekoronii” (the first half of the XVIII century). *TODRL* [Works of the Old Russian Literature Department], Moscow; Leningrad, Nauka, 1965, vol. 21, pp. 275–296. (In Russ.)

15. Dmitriev L. A., Lotman. Yu. M. Novonaidennaya Novella of the XVIII century. “The story of the Portuguese Princess Anne and the gishpan king’s son Alexander”. *TODRL* [Works of the Old Russian Literature Department], Moscow; Leningrad, publishing house of The Academy of Sciences of the USSR, 1960, vol. 16, pp. 490–505. (In Russ.)

16. Malek E. About the king who married his wife with his own hands. [Malek E. “Non-Useful reading” in Russia of the XVII–XVIII centuries]. Warszawa; Lodz : Wydaw. nauk. PWN, 1992, pp. 90–94. (In Polish)